

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И.Т.ЗОГРАФ

Официальный ВЭНЬЯНЬ

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 81.2Кит
378

ВВЕДЕНИЕ

Ответственный редактор
С. Е. Яхонтов

Редактор издательства
И. А. Штутина

Рецензент
А. С. Мартынов

Зограф И. Т.

378   Официальный вэньянь. — М.: Наука. Главная редакция
восточной литературы. 1990. — 342 с.
ISBN 5-02-016800-9

Книга продолжает серию исследований автора по исторической грамматике китайского языка, однако в отличие от предыдущих работ, где исследовалось развитие литературного языка байхуа, слагавшегося на разговорной основе, здесь характеризуется литературный язык вэньянь конца XIX — начала XX в., особенности которого рассматриваются в сопоставлении с классическим древнекитайским.

з 4602020500-205
013(02)-90 88-90

ISBN 5-02-016800-9

© Главная редакция
восточной литературы
издательства "Наука", 1990

Последние два-три десятилетия характеризовались активизацией изучения истории китайского языка как за рубежом, так и, особенно у нас в стране. В результате оставшийся до недавнего времени практически не изученным тот значительный период его развития, который лежит между древнекитайским и современным китайским, получил достаточно полное освещение. Во всяком случае, к настоящему времени уже подверглись всестороннему лингвистическому анализу и подробно описаны наиболее репрезентативные памятники этого периода, представляющие важнейшие хронологические этапы внутри него. Таким образом, можно сказать, что история китайского языка ныне прослеживается почти непрерывно. Достаточно назвать монографические исследования, осуществленные у нас и за рубежом за последнюю четверть века: а) язык эпохи Лючао: И. С. Гуревич. Очерк грамматики китайского языка III–V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы). М., 1974; б) язык эпохи Тан: Бяньвэнь о воздаянии за милости (Рукопись из дуньхуанского фонда Института востоковедения). Часть 2. Грамматический очерк и словарь И. Т. Зограф. М., 1972; И. С. Гуревич. Из исторической грамматики эпохи Тан (на материале Линьцзи лу: грамматический очерк с приложением перевода памятника, снабженного примечаниями) (рукопись); в) язык эпохи Сун: G. Kallgren. *Studies in Sung Time Colloquial Chinese as Revealed in Chu Hi's ts'üanshu*. Stockholm, 1958; И. Т. Зограф. Очерк грамматики среднекитайского языка (по памятнику „Цзин бэнь тунсу сяошо”). М., 1962; г) язык эпохи Юань: M. A. K. Halliday. *The Language of the Chinese „Secret History of the Mongols”*. Oxford, 1959; И. Т. Зограф. Язык юаньской драмы (рукопись); И. Т. Зограф. Монгольско-китайская интерференция (язык монгольской канцелярии в Китае). М., 1984, а также д) работа обобщающего характера — И. Т. Зограф. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979.

Сказанное касается истории формирования нового литературного языка байхуа, т. е. языка, опирающегося на нормы разговорной речи. Перечисленные выше работы основываются в первую очередь на изучении письменных памятников, отразивших живую разговорную речь соответствующих эпох или, во всяком случае, язык, близкий к ней. Правда, воспринимать все это как проявление некоей единой линии

развития вряд ли возможно. Например, тексты эпохи Тан – дуньхуанские бяньвэнь и танские юйлу – действительно написаны языком в большей (танские юйлу) или меньшей (дуньхуанские бяньвэнь) степени близким к разговорному. Однако многие разговорные элементы, широко употребительные в этих текстах, оказались узкоспецифичны для данных жанров и не нашли отражения в разговорном языке более позднего (сунского) времени, не получив таким образом дальнейшего развития. Это обстоятельство наводит на мысль об отсутствии прямой языковой преемственности между упомянутыми танскими текстами и, скажем, сунскими рассказами, вошедшими в сборник „Цзин бэнь тунсю сяошо”. Возможно, дуньхуанские бяньвэнь и танские юйлу, представляя особую – буддийскую – традицию, демонстрируют отдельную, периферийную ветвь развития китайской литературы, лежащую в стороне от основного литературного процесса (подробнее об этом см. нашу статью „О месте дуньхуанских бяньвэней в истории китайского языка и литературы” [Зограф 1985,]). Учитывая это обстоятельство, мы в свое время при обращении к вопросам периодизации истории китайского языка сознательно ограничивали использование отличающих их специфических признаков и полагались в первую очередь на критерии более общие, а потому и более способные служить диагностическими.

История китайского языка вместе с тем будет страдать односторонностью и не сможет быть признана полной, пока не будет подвергнут столь же тщательному и последовательному историческому анализу другой литературный язык – вэньянь, основанный на нормах древнекитайского языка. Вэньянь непрерывно функционировал на протяжении всей последующей истории Китая, причем начиная с эпохи Сун параллельно существовали два литературных языка – вэньянь и байхуа, находившиеся в определенной связи с литературными жанрами. Так, средневековая философская проза (гувэнь) и новелла (чуаньци) писались на вэньяне, тогда как для рассказа, драмы и романа использовался язык байхуа. Сфера использования вэньяня, конечно, сказанным не ограничивалась: точность и лаконичность выражения делали его предпочтительным языком науки, техники, политики и администрации. Сложилась, таким образом, ситуация своеобразного двуязычия (своеобразного по ряду причин, и прежде всего потому, что вэньянь в отличие от байхуа существовал только в письменной форме) и неизбежно вытекающая из этой ситуации межязыковая интерференция – оба языка безусловно взаимодействовали между собой и оказывали влияние друг на друга. В начале XX в. байхуа одержал победу над вэньянем и стал единственным литературным языком, но это коснулось в первую очередь художественной литературы, тогда как во многих сферах официальной коммуникации влияние вэньяня продолжало сохраняться и в последующее время. Вэньянь, как известно, был широко употребителен и за пределами Китая – в Корее, Японии, Вьетнаме.

Параллельное существование в Китае двух литературных языков – вэньяня и байхуа – привело, не говоря уже о многих других проблемах, им порожденных, к тому, что памятники каждой эпохи оказываются

неоднородными в языковом отношении. Например, для эпохи Сун, как отмечает С. Е. Яхонтов [Яхонтов 1969, с. 82], можно выделить по крайней мере три типа памятников: а) написанные на разговорном языке своей эпохи (тексты устных рассказов – хуабэнь), б) написанные на древнекитайском языке (философская проза – гувэнь) и в) те, в которых сочетаются элементы того и другого, т. е. написанные „смешанным” языком („записи речей” – юйлу философов неоконфуцианской школы).

Материалом для данной работы послужили статьи Сунь Ятсена, опубликованные в двухтомнике „Избранные сочинения” (孫中山選集 Сунь Чжуншань сюаньцзи), изданном в 1956 г. в Пекине. С точки зрения языка в двухтомнике можно найти произведения разного характера: 1) написанные на вэньяне и 2) написанные на байхуа, причем в последних также встречаются элементы вэньяня, но их доля относительно мала.¹ Вошедшие в двухтомник произведения неоднородны также по содержанию и по стилю. Для наших целей отобраны официальные тексты (письма, доклады, декларации и т. п.), написанные на вэньяне и относящиеся к концу XIX в. и первым двум десятилетиям XX в.

Сплошной расписке были подвергнуты „Представление Ли Хунчжану” (上李鴻章書 Шан Ли Хунчжан шу, с. 7–18), „Послание к землякам” (敬告同鄉書 Цзингао тунсян шу, с. 51–53), „Предисловие к „Истории войн Тайпинского государства” („太平天國戰史”序 „Тайпин Тянь го чжань ши” суй, с. 54–55), „Декларация „Объединенного союза” (同盟會宣言 Тун мэн хуй сюаньянь, с. 68–70), „К выходу в свет первого номера „Минь бао” („民報”發刊詞 „Минь бао” факань цы, с. 71–72), „Декларация при вступлении на пост Временного Президента Республики” (臨時大總統就職宣言 Линьши дацзунтун цзю чжи сюаньянь, с. 82–83), „Принцип народного благосостояния и социальная революция” (民生主義與社會革命 Миньшэн чжуи юй шэхуй гэмин, с. 84–89), „Подлинный смысл пропагандируемого нами принципа народного благосостояния” (提倡民生主義之真義 Тичан миньшэн чжуи-чжи чжэнь и, с. 92–93), „О социальной революции” (社會革命談 Шэхуй гэмин тань, с. 94–95),

¹ Достаточно здесь назвать местопрдикатив 如此 жуцы „так”, „таким образом”, показатель определения 之 чжи, сочетание 而已 эрйи „и только”. Предлог 以 „и” (показатель орудия), предлог 由 ю „из”.

„Программа строительства страны” (建國方略 Цзянь го фанлюе, с. 104–185). Все эти документы взяты из первого тома названного двухтомника, поэтому при приводимых ниже примерах указывается только его страница и, через запятую, порядковый номер строки на ней; в тех редких случаях, когда приводятся примеры из других произведений (они содержатся в том же томе), это оговаривается особо.

Таким образом, в нашей работе рассматривается вполне определенная функциональная (стилистическая) и хронологическая разновидность вэньяня – официальный (деловой) вэньянь рубежа XIX и XX вв. и притом на материале языка одного автора. Возможно, что в данном нами описании отразились и некоторые индивидуальные черты речи Сунь Ятсена, но они не носят принципиального характера. Язык Сунь Ятсена в целом является типичным образцом официального (делового) вэньяня нового времени (который ниже будет именоваться просто вэньянь).²

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в произведениях одного жанра, принадлежащих одному автору, вэньянь не вполне однороден. Это видно хотя бы на примере использования служебных слов. Сравнение частоты десяти наиболее употребительных служебных слов древнекитайского языка³ в шести отдельных текстах дает следующую картину:

Текст ⁴	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
I	20	12	17	13	9	8	2	7	7	1	96
II	21	4	11	8	1	5	2	5	6	1	64
III	12	3	5	–	–	3	–	2	1	1	27
IV	31	4	5	11	6	4	1	6	3	3	74
V	20	7	8	4	–	3	9	7	1	3	62
VI	26	5	6	9	8	8	3	6	6	2	79

² Тем самым нам удалось избежать „усредненного” описания разнообразного материала, что особенно важно ввиду неоднородности вэньяня (в частности, вэньянь художественной или философской литературы более статичен, чем рассматриваемый официальный); нужно учитывать также, что в любую эпоху могли создаваться произведения и на чистом древнекитайском языке. Однако историческая и жанровая стратификация вэньяня остается делом будущего.

³ Список этих слов заимствован из статьи С. Е. Яхонтова [Яхонтов 1969, с. 70]:

- 1) 之 *чи* (и как местоимение, и как показатель определения к существительному);
- 2) 其 *ци* „его”, 3) 而 *эр* (показатель определения к глагольному сказуемому),
- 4) 者 *чжэ* „тот, кто”, „который”, 5) 所 *со* „тот, кого”, „которого”, 6) 則 *цзэ* „(если...) то”, 7) 於 *юй* (показатель места или косвенного объекта), 8) 以 *и* (показатель орудия), 9) 也 *е* (конечная частица), 10) 矣 *и* (конечная частица).

⁴ Подсчет велся на основании произвольно взятых отрывков объемом в десять строк (т. е. приблизительно 300 иероглифов) – по два из каждого текста: I – „Представление Ли Хунчжану” (с. 9, строки 1–11; с. 12, строки 1–10), II – „Послание к землякам” (с. 51, строки 1–10; с. 53, строки 1–10), III – „Принцип народного благосостояния и социальная революция” (с. 85, строки 1–10; с. 87, строки 1–10), IV – „Подлинный смысл...” (с. 92, строка 7 – с. 93, строка 11), V – „О социальной революции” (с. 94, строка 1 – с. 95, строка 6), VI – „Программа строительства страны” (с. 104, строки 1–10; с. 184, строки 1–10).

Нетрудно заметить, что тексты I и III занимают здесь крайние положения: первый наиболее насыщен служебными словами классического древнекитайского, третий содержит их в 2–3 раза меньше, чем другие.⁵ Остальные тексты (II, IV, V, VI) занимают среднее положение, и статистический разброс по этому параметру между ними незначителен.

Нужно оговорить, что в произведениях Сунь Ятсена встречаются отдельные цитаты из классических памятников, в частности Мэн-цзы. Мы не ставили себе целью отождествление подобных случаев скрытого цитирования, ибо такие цитаты органически вписываются в контекст и могут быть признаны принадлежностью языка Сунь Ятсена.

При сравнении вэньяня Сунь Ятсена с древнекитайским мы опирались в первую очередь на следующие работы: 1) „Древнекитайский язык” С. Е. Яхонтова, 2) „Грамматика древнекитайских текстов” Т. Н. Никитиной, 3) „Древнекитайский язык” М. В. Крюкова и Хуан Шуин. В необходимых случаях привлекались работы китайских авторов (они указываются в постраничных примечаниях).

Книга С. Е. Яхонтова охватывает преимущественно период V–III вв. до н. э. и базируется на следующих, наиболее известных произведениях этого времени: 左傳 „Цзо чжуань” („Комментарий Цзо”), 論語 „Лунь юй” („Суждения и изречения”), 孟子 „Мэн-цзы” и 莊子 „Чжуан-цзы” (последние две книги названы по именам их авторов). Как отмечает С. Е. Яхонтов [Яхонтов 1965, с. 9], ранние памятники написаны по крайней мере на двух диалектах: один представлен текстами конфуцианской литературы („Лунь юй”, „Мэн-цзы”), другой – памятниками исторического содержания („Цзо чжуань” и „Го юй”). В III в. до н.э. диалектные различия стираются, и все тексты этого времени имеют в общем один и тот же инвентарь служебных слов. В книге С. Е. Яхонтова имеется, кроме того, специальный раздел, освещающий особенности грамматического строя более позднего периода древнекитайского языка.⁶

⁵ Текст III, представляющий собой запись речи (устного выступления), в которую вклиниваются не только отдельные слова, но местами и целые выражения байхуа, выделяется использованием новокитайских служебных слов (的 *ды*, 了 *ляо*, 是 *ши*, 個 *гэ*, 這 *чжэ*). В дальнейшем изложении мы стараемся всегда указывать на подобного рода расхождения между отдельными текстами.

Для классификации типов вэньяня, которая, как уже отмечалось, еще предстоит, определенные результаты безусловно могла бы дать и лексика. При самом поверхностном сравнении привлеченных текстов в этом плане уже обнаруживаются некоторые расхождения между ними, но мы в данной работе не ставили перед собой этой задачи. Пока мы лишь в отдельных случаях приводим списки слов, чтобы показать характер лексики вэньяня в целом.

⁶ Специально этому периоду посвящена книга И. С. Гуревич „Очерк грамматики китайского языка III–V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы)”; вслед за И. С. Гуревич мы отделяем этот период от собственно древнекитайского и именуем его в дальнейшем периодом Лючао.

Книга Т. Н. Никитиной построена в целом на текстах того же времени, что и книга С. Е. Яхонтова. В первой части грамматики автор рассматривает синтаксические конструкции – от элементарных до самых сложных; здесь же описываются конструкции с наиболее частотными глаголами и прилагательными, обладающими определенной спецификой употребления, а также выделительные конструкции, явившиеся результатом перестройки исходной, элементарной конструкции. Вторая часть посвящена необычным функциям знаменательных слов, служебным словам и структуре текста. Издание имеет и третью часть, которая представляет собой хрестоматию, где даются с необходимым комментарием тексты из известных сочинений V–I вв. до н. э.; к хрестоматии приложен словарь-минимум, куда включены наиболее распространенные знаменательные и служебные слова древнекитайского языка.

Авторы книги „Древнекитайский язык” М. В. Крюков и Хуан Шуин привлекают более широкий в хронологическом плане материал и различают: 1) архаический язык (XIV–XI вв. до н. э.), 2) ранний доклассический (X–VIII вв. до н. э.), 3) поздний доклассический (VII–VI вв. до н. э.), 4) ранний классический (V–III вв. до н. э.), 5) поздний классический (II в. до н. э.–II в. н. э.), 6) постклассический (III–V вв.). Каждый хронологический период рассматривается в специальном разделе, построенном в виде уроков. В этой книге особое внимание уделяется описанию тех специфических особенностей, которые отличают один период от другого.

Тексты, написанные на древнекитайском языке, трудны для понимания, как любые другие древние тексты. Однако мы хотели бы отметить, кроме того, трудности иного порядка, а именно трудности, связанные с синтаксисом древнекитайского языка и функциональной неоднозначностью не только служебных, но и знаменательных слов. Достаточно упомянуть здесь следующее.

1. Знаменательные слова (существительное, глагол, прилагательное, числительное, локатив) помимо обычных своих функций могут выполнять и необычные, вторичные, функции. Так, для существительного обычными будут функции подлежащего, тематического подлежащего, дополнения, именной части связочного сказуемого, а также функции обстоятельства и определения к имени; необычными – функция сказуемого или функция определения к сказуемому.⁷

2. Одно и то же служебное слово может употребляться и при отдельном знаменательном слове, и при целом предложении (придаточном).

Так, служебные слова 若 *жо* и 雖 *суй* либо выделяют грамматическое или тематическое подлежащее в простом предложении, либо вводят придаточные предложения.

⁷ Здесь и далее характеристики древнекитайского языка заимствуются из упомянутых выше книг С. Е. Яхонтова и Т. Н. Никитиной.

3. После некоторых предлогов (например, 爲 *вэй*, 與 *юй*) дополнение, выраженное местоимением 3-го лица, может опускаться.

4. Предлоги, за редким исключением, могут меняться местами со своим дополнением, т. е. вместо обычного порядка предлог + дополнение получается обратный: дополнение [+ 之 *чи*] + предлог (правда, встречается это не часто).

Свои сложности по ряду причин представляет и поздний вэньян, который во многих отношениях оказывается труднее классического древнекитайского: с одной стороны, в нем не так строго и регулярно соблюдаются принятые для древнекитайского правила, а с другой – он так или иначе взаимодействует с живым языком, хотя и по своим особым законам. И если влияние вэньяна на байхуа является результатом сознательного заимствования и подражания – вызвано ли оно было реальными преимуществами первого (точность и лаконичность) или же его „престижным” статусом, – то совершенно иной и более сложный характер носит влияние байхуа на вэньян, влияние, проводимое естественным воздействием живого языка на письменный. Во всяком случае, вэньян отнюдь не застывший язык с установившимися раз и навсегда нормами – он подвижен и постоянно претерпевает различные изменения,⁸ но эти изменения не лежат на поверхности, они обычно скрыты за неизменной формой того или иного служебного слова. Говоря о трудностях восприятия вэньяна в целом, следует отметить, кроме того, два обстоятельства иного порядка (о которых уже шла речь выше при характеристике языка Сунь Ятсена): во-первых, он неоднороден, что вызвано отсутствием в Китае до конца XIX в. нормативных грамматик, и, во-вторых, он вобрал в себя за свою длительную историю множество скрытых цитат и полумитат из древнекитайского.

Одна из особенностей вэньяна заключается в том, что это язык вне времени. Наиболее заметным проявлением этого служит черта, отмечаемая авторами книги „Древнекитайский язык” М. В. Крюковым и Хуан Шуин [Крюков, Хуан Шуин 1978, с. 6]: „Принципиальное отличие вэньяна от древнекитайского языка заключается, между прочим, в том, что в тексте, написанном на вэньяне, могут встретиться рядом грамматические формы, свойственные древнекитайскому языку на разных этапах его истории и поэтому асинхронные”. В самом деле, в текстах, написанных на вэньяне, одновременно употребляются и тождественно функционируют служебные слова, принадлежащие как разным периодам развития древнекитайского, так и разным его диалектам. Так, в привлеченных нами текстах наряду с указательным местоимением 此 *цы* „этот” используется 斯 *сы* „этот”, свойственное конфуцианским памятникам;

⁸ Мы не касаемся лексики, которая совершенно изменилась по сравнению с древнекитайским состоянием языка; речь идет пока только о служебных словах.

местоимение первого лица *юй* встречается и в варианте 予, и в варианте 余 *юй* (второй принят в диалекте исторических памятников); помимо обычного вопросительного слова 何 *хэ* „что?“, „какой?“ можно встретить 奚 *си*, употребляющееся в памятниках конфуцианской литературы, а также 胡 *ху*, которое впервые фиксируется в песнях „Шицзина“; в роли отрицания со значением „никогда не“ отмечено как 未嘗 *вэйчан*, так и появившееся в более поздний период древнекитайского языка 未曾 *вэйцэн*; наряду с чрезвычайно распространенным в древнекитайском языке предлогом 於 *юй*, имеющим очень широкий круг значений, встречается его фонетический вариант 乎 *ху*, наблюдаемый, в частности, в памятниках конфуцианской литературы; сочинительную связь выражает не только служебное слово 與 *юй*, обычное в древнекитайском языке, но и 及 *цзи*, употребительное в доклассическом языке и в диалекте исторических памятников; кроме союза 若 *жо* („если“, „если бы“), свойственного памятникам исторического содержания, употребляется 如 *жу*, обычный в памятниках конфуцианской литературы; из слов, указывающих на временную или логическую последовательность действий, употребляется и 乃 *най*, возникшее в архаическом древнекитайском языке, и 卽 *цзи*, которое появляется в классическом языке. Этот список можно было бы еще продолжить.

Но этим дело не ограничивается. Тексты, написанные на вэньяне, отличаются также и тем, что в их языковой системе сосуществуют языковые формы, одновременные в более широком плане, т. е. относящиеся не только к древнекитайскому периоду в целом, но и к более поздним состояниям языка, иначе говоря, наблюдается свободное проникновение в систему вэньяня форм и конструкций, характерных для байхуа различных эпох. Все это вместе приводит к неограниченной грамматической синонимии – существованию параллельных возможностей формального выражения одних и тех же грамматических значений. Приведем примеры:

1) кроме показателя множественности 儕 *чай*, свойственного древнекитайскому языку, используется 等 *дэн*, характерный для текстов послеханьского времени;

2) в функции определения указательное местоимение 此 *цы* может выступать и само по себе, как в древнекитайском языке, и с показателем определения 之 *чи*, т. е. в форме, впервые наблюдаемой в ханьских

текстах и затем в танских; кроме того, указательное местоимение *цы* может быть определением к существительным, имеющим значение времени, – это грамматическое явление, отсутствующее в древнекитайском языке, впервые фиксируется в текстах танского времени;

3) при вопросе о количестве помимо древнекитайских 幾 *цзи* и 幾何 *цзихэ* („сколько?“) встречается сочетание 幾許 *цзисюй*, впервые выступающее в текстах эпохи Тан;

4) в повелительном предложении можно встретить и отрицания 勿 *у* и 毋 *у*, свойственные древнекитайскому языку, и отрицания 不必 *буби*, 不用 *буйон*, свойственные танским и сунским текстам;

5) прямое дополнение выносится в позицию перед глаголом-сказуемым и с помощью предлога 以 *и*, характерного для древнекитайского языка, и с помощью предлога 將 *цзян*, который становится обычным в текстах периода Тан (отдельные примеры появляются в текстах периода Лючао);

6) сочетание 將來 *цзянлай* употребляется в значении, свойственном ему в современном языке, – „будущий“, „в будущем“.

Есть и другая особенность вэньяня, которая заключается в том, что его грамматическая система демонстрирует процесс „упрощения“ древнекитайского языка, идущего в самых разных направлениях. Прежде всего многие служебные слова древнекитайского языка в вэньяне употребляются далеко не во всех тех функциях, которые зафиксированы для них в древнекитайском языке, происходит, таким образом, сужение их функций. Приведем несколько примеров:

1) возвратное местоимение 己 *цзи* функционирует как определение к существительному („свой“), но не как определение к сказуемому („сам“) или дополнение („себя“, „его“); кроме того, в функции определения в отличие от древнекитайского языка может оформляться показателем 之 *чи*;

2) морфема 無 *у* не используется как отрицание в повелительном предложении, содержащем запрещение;

3) морфема 然 *жань* сама по себе обычно не функционирует как сказуемое – она выступает в этой роли с предшествующим отрицанием или другим наречием.

Далее, в ряде случаев происходит адаптация – служебное слово древнекитайского языка используется в сочетании с другим служебным словом, как бы уточняющим значение первого. Для иллюстрации приведем следующие примеры. Предлог 自 *цзы* „с тех пор как“ (в начале

включенного предложения со значением времени) употребляется в сочетании с послелогом 後 *хоу* „после того как”, замыкающим включенное предложение; с предлогами 以 *и* и 由 *ю*, оформляющими включенное предложение со значением причины, корреспондирует союз 故 *гу*, находящийся во включающем предложении.

Наблюдается и прямое стирание существовавших в древнекитайском языке функциональных различий между отдельными служебными словами (хотя возможно, что при этом возникают какие-то иные различия).

Так, местоимение первого лица 吾 *у* в древнекитайском языке функционировало в основном как подлежащее, а 我 *во* – как дополнение, в вэньяне же оба местоимения в общем употребляются одинаково.

И, наконец, отнюдь не все служебные слова и конструкции древнекитайского языка употребительны в текстах, написанных на вэньяне; одни из них перестают функционировать вообще, другие выходят из числа продуктивных. В частности, нам не встретились морфемы 如 *жу*, 焉 *янь*, 爾 *эр*, оформляющие удвоение – определение к сказуемому; не зафиксирована в привлеченных текстах морфема 諸 *чжу*, представляющая собой сочетание местоимения 之 *чи* с предлогом 於 *юй* или сочетание местоимения 之 *чи* с конечной вопросительной частицей 乎 *ху*.⁹

Некоторые языковые особенности рассмотренных текстов связаны с характером их содержания. Например, местоимения первого лица 吾 *у* и 我 *во* очень часто встречаются в выражениях 吾國 *у го*, 我國家 *во гоцзя* „наша страна”, 吾國民 *у го минь*, 我國民 *во го минь* „наш народ” и т. д.; при обращении используются не местоимения второго лица, а их субституты, выражающие повышенную вежливость: 公 *гун*, 君 *цзюнь*; чрезвычайно распространена конструкция с именным сказуемым (со связкой 也 *е*) и со служебным словом 者 *чжэ* после подлежащего и т. д.

Наибольший интерес, однако, представляют сдвиги, происходящие в грамматических значениях служебных слов древнекитайского языка в процессе функционирования в вэньяне (их восприятие, как уже отмечалось, часто затруднено сохранением неизменной формы таких слов),

⁹ Встретилось, однако, предложение, в котором *чжу* стоит перед предлогом *юй* и является просто лишним: 出諸於梁啓超之口 (51, 16) *чу чжу юй Лян Цицао-чжи коу* „вышел из уст Лян Цицао”.

а также переосмысление конструкций древнекитайского, при котором в вэньяне либо стирается и полностью заменяется новым исконное их значение, либо оба значения – старое и новое – выступают в параллельном употреблении. Именно это делает поздний вэньянь самым трудным для понимания вариантом китайского языка, и как раз эти явления до сих пор обычно ускользали от внимания исследователей, нередко отождествлявших вэньянь с древнекитайским. Такие сдвиги бываю вызваны либо функциональным уподоблением служебных слов древнекитайского служебным словам байхуа, либо переносом на служебное слово древнекитайского, дополнительно к оригинальному, и того значения, которое присуще его омографу в современном языке.¹⁰ Так, служебное слово 各 *гэ*, имеющее в древнекитайском языке значение „каждый из” и, как всякое определительное местоимение, стоящее перед сказуемым и входящее в группу сказуемого, в вэньяне употребляется перед подлежащим (входит в группу подлежащего) или другим именным членом предложения и имеет значение „каждый”; переосмысливается в вэньяне пассивная конструкция 為 ... 所 *вэй... со*, и *вэй* из связки превращается в предлог (как современное 被 *бэй*), т. е. читается в четвертом тоне, по аналогии с *вэй... со* возникает смешанная конструкция *бэй... со*; предлог 由 *ю* из показателя источника действия превращается в вэньяне в показатель названия действующего лица в пассивной конструкции, возникают различные смешанные варианты: а) объект действия, стоящий в начале предложения, дублируется в позиции после глагола-сказуемого местоимением 之 *чи*, б) перед глаголом-сказуемым используется 所 *со* по аналогии с конструкцией *вэй... со*.

Уже из сказанного становится очевидным, что вэньянь – это отнюдь не просто „упрощенный” древнекитайский, впитавший в себя те или иные элементы байхуа, современного и средневекового. Это – язык, грамматический строй которого характеризуется рядом своих, только ему присущих черт, составляющих его специфику и отсутствующих как в древнекитайском, так и в байхуа. Изложенное выше свидетельствует также о том, что при описании исследуемой разновидности языка пришлось особенно внимательно относиться к явлениям редким, единичным, т. е. к любому отклонению от норм древнекитайского языка, а это требовало, в свою очередь, привлечения большого иллюстративного материала и максимально тщательного его анализа. Здесь же следует отметить, что мы старались представить все основные синтаксические конструкции и наиболее важные служебные и полуслужебные слова, но задачи исчерпывающего охвата как тех, так и других перед собой не ставили.

¹⁰ Случаев возникновения новых служебных слов за счет переосмысления и грамматикализации полнозначных слов самого древнекитайского и приобретения ими новых функций мы здесь не касаемся.

Остается еще добавить, что в предлагаемой работе вэньян впервые стал предметом специального научного рассмотрения. Исследован он, как уже было сказано, на материале языка одного автора – Сунь Ятсена. Пусть какая-то другая совокупность текстов позволит вывести картину, не абсолютно идентичную полученной здесь, поскольку грамматическая система вэньяня ввиду ее ненормированности представляет собой подвижную и проницаемую сферу, открытую в принципе и для грамматических явлений любого периода истории китайского языка, и для любых инноваций, так что практическая ее реализация может в гораздо большей степени зависеть от индивидуальности автора (его среды, целевых установок его творчества и т. п.), чем, скажем, варьирование форм „разговорного” языка памятников одной и той же эпохи, которое естественным образом регулируется самим живым языком. Для нас, однако, было важно другое – продемонстрировать на примере произведений, близких по языку к древнекитайскому, в каких направлениях грамматическая система вэньяня может отклоняться от таковой древнекитайского языка, представляющего его основу. Эти отклонения должны по своему характеру и основным тенденциям быть общими для вэньяня в целом, независимо от частных (хронологических, жанровых или индивидуальных) его разновидностей.

* * *

Работа состоит из двух частей: первая посвящена синтаксису вэньяня, вторая – служебным и полуслужебным словам.

Как обычно в работах по истории китайского языка, здесь используется русская транскрипция, отражающая чтение иероглифов в современном пекинском произношении.

SUMMARY

"The Official Wenyan" by Dr. I.T.Zograph is an essay describing the grammatical (primarily syntactical) structure of the archaic (as opposed to Pailua) variety of literary Chinese language which was widely in use up to the beginning of our century in the official documents, speeches, research and political articles etc. Being the most complicated type of written Chinese, the so-called Modern Wenyan (i. e. the language of the late 19th and early 20th c.) differs sufficiently from the classical Ancient Chinese language, and such deviations in the development of forms and their usage have to be specially analysed and carefully described. To show its specific structural features is therefore the main aim of the present work based on the writings by Sun Yat-sen published in his "Collected Papers" (Sun Chungshan Hsüanchi. Peking, 1956; see above, pp. 5-6).

The book consists of two parts.

Part I. "Syntax" (pp. 15–218) presents an inventory of basic patterns of elementary verb and noun phrases (e. g., N – V, N – V – N, N – N – Cop, N – A etc., see above pp. 15 ff.) and further shows how on their basis the formation of various types of derived sentences and clauses takes place.

Part II. "Grammatical words" (pp. 219–331) following the Sinological grammatical tradition contains an analysis of the main classes of such words, i. e. pronouns, predicative substitutes, numeral substitutes, adverbs and particles.

An index of empty words and grammatical constructions allows using the book as a guide when working with the texts written in Wenyan.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть I. Синтаксис	15
Элементарные конструкции	15
Классификация элементарных конструкций	15
Реализация конструкций в тексте	29
Препозиция дополнения	72
Обособленные конструкции	90
Средства развертывания элементарных конструкций	111
Однородные члены предложения	111
Определение к существительному, глаголу и прилагательному	116
Обстоятельство времени	128
Дополнение	131
Двупредикатные конструкции	143
Включенное (членное) предложение	150
Конструкции с <i>чжэ</i> и <i>со</i>	176
Сложное предложение	197
Сложноподчиненное предложение	198
Сложносочиненное предложение	213
Часть II. Служебные слова	219
Местоимения	220
Местопредикативы	258
Заместители числительного	263
Наречия	267
Частицы	307
Литература	332
Указатель	334
Summary	341

Научное издание
Зограф Ирина Тиграновна
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВЭНЬЯНЬ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

Заведующая редакцией *В.Д.Подберезская*
Младший редактор *Д.Ш.Хесина*
Художник *С.Ю.Архангельский*
Художественный редактор *Е.Л.Резников*
Технический редактор *Л.И.Градобоева*
Корректор *Е.А.Мамиконян*

ИБ № 16423

Сдано в набор 15.11.88. Подписано к печати 04.10.90
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 21,5. Усл. кр.-отт. 21,75
Уч.-изд.л. 21,47. Тираж 1500 экз. Изд. № 6725
Зак. №240. Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28